

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

St.Petersburg Journal of Oriental Studies

**выпуск 6
volume 6**

Центр
"Петербургское Востоковедение"

Санкт-Петербург
1994

Топоним "Шесть деревень" по хотаносакским деловым документам I тыс. н. э. из Восточного Туркестана

М. И. Воробьева-Десятовская
(Институт востоковедения РАН)
(Санкт-Петербург)

Топоним "Шесть городов" или "Шесть деревень" — хот.-сакск. *kṣa auve*, кит. *liu cheng* 六城, засвидетельствованный в хотаносакских и китайских документах второй половины I тыс. н.э. из Восточного Туркестана, привлекает внимание ученых с 1901 г., когда Р. Хёрнле впервые опубликовал факсимиле китайского документа, кушленного Г. Макартнеем в Хотане¹. Первая попытка локализации этого топонима была сделана Э. Шаванном в 1907 г. Сопоставляя данные китайских официальных источников танского периода с документами, найденными А. Стейном в районе Дандан-Уйлика, Шаванн предположил, что термином "Шесть городов" китайцы обозначали Хотан². Дальнейшие исследования велись в направлении сужения топонима "Шесть городов". Важный шаг в этом направлении был сделан Г. Халуном, который связал название "Шесть городов" с одной из 10 префектур — кит. *zhou* 州, а именно с оазисами Чира, Гулакхма и Думаку в восточном Хотане³. Недавно была сделана еще одна попытка расшифровки топонима "Шесть городов". Китайские ученые Чжан Гуан-да и Жун Синь-цзян на основе данных китайских документов, найденных А. Стейном, и некоторых хотаносакских и тибетских предложили раскрыть содержание этого топонима, т. е. указали конкретные названия шести "городов" или "деревень", расположенных в I тыс. н. э. в оазисах Чира, Гулакхма и Думаку⁴: 1) хот.-сак. *Cira*, кит. *Zhiluo*, тиб. *Ji-la*; 2) хот.-сак. *Phema*, кит. *Pimo* или *Kancheng* (перевод), тиб. *Kamseñ*; 3) хот.-сак. *Phamñā*, кит. *Fanye*, тиб. *Pho-ña*; 4) хот.-сак. *Birgamdara*, тиб. *Be-rga-hdra*; 5) хот.-сак. *Āskvīra*, тиб. *'O-rgu*; 6) хот.-сак. *Gayseta*, кит. *Lixie* (?)⁵.

Работа с двумя крупнейшими коллекциями хотаносакских деловых документов из Восточного Туркестана — с коллекцией Н. Ф. Петровского, которая хранится в С.-Петербургском филиале Института востоковедения РАН, и с коллекцией Свена Гедина в Стокгольмском

Этнографическом Музее, позволила автору этих строк уточнить содержание топонима "Шесть городов" и предложить свой вариант толкования⁶.

Деловые документы, хранящиеся в коллекциях С.-Петербурга и Стокгольма, представляют собой два хотанских архива второй половины I тыс. н. э., относящихся к территории Юго-Восточного Хотана, а именно: архив Гайсаты и архив "Шести городов". К сожалению, до сих пор остаются неизвестными места находки архивов, скорее всего, оба они были куплены Н. Ф. Петровским и С. Гедином у местного населения. Поскольку оба ученых до 1904 г. работали в Восточном Туркестане одновременно и находились в дружеских отношениях и активной переписке⁷, очень возможно, что коллекции документов были куплены ими у одних и тех же поставщиков. В коллекции С. Гедина есть несколько документов, относящихся к Гайсате. В документах из коллекции Петровского "Шесть городов" упоминаются всего несколько раз. В настоящее время проф. Стаффан Розен, который (с нашей помощью) готовит факсимильное издание документов С. Гедина, предпринимает попытки отыскать упоминания о приобретении документов в подробных дневниках С. Гедина, которые продолжают оставаться неопубликованными. Но даже если ничего нового в результате этих поисков не будет обнаружено, закономерно предположить, что они были найдены местными жителями в развалинах одной и той же китайской канцелярии, поскольку почти на всех документах сделаны одинаковые пометки иероглифами: *цзюнь* "срочно", *фу* "копия", *син* "одобрить", *синь* "верно" и др. Нам представляется, что в этой канцелярии была специальная печать — иероглиф *цзюнь*, расшифрованный Г. Халуном (см. рис. 1), который мы можем обнаружить на некоторых документах из обеих коллекций. Ряд документов содержит значительные китайские приписки, подтверждающие получение налогов, денег, подарков и т. д. (см. рис. 2).

Мы не будем подробно касаться датировки архивов, скажем только, что их главная ценность в том, что документы в них сгруппированы по хронологическому принципу. Почти все документы из Гайсаты могут быть отнесены к периоду, когда деревенским старостой там был некий Сидаки. Ряд документов одновременно датирован по правлению хотанского раджи Виша Вахама (с 7-го по 22-ой годы) и по годам пребывания на постах его первых помощников — нескольких администраторов в ранге *шау* — "губернаторов". На основе датированных таких образом документов можно составить просопографию местных чиновников и список жителей — налогоплательщиков Гайсаты. Ряд упоминаний о деятельности тибетцев на территории Хотана в годы

правления Виша Вахама позволил предположить, что он находился у власти во второй половине VIII в. н. э., и его царствование закончилось где-то ок. 790 г., когда тибетцы уже оккупировали Хотан⁸.

Аналогичным образом возможно примерно установить датировку документов, происходящих из "Шести городов". Они также датированы по годам правления раджи. Ни один из документов не содержит имени этого раджи, указан только порядковый год его правления. Последний по времени документ относится к "36-му году правления". Однако упоминания о результатах тибетского господства на территории Хотана — разорении местного населения в результате двойного налогообложения и прочих поборов в пользу тибетцев (см. документы Hedin 3, Hedin 7 verso); сохранении позиций тибетцев в ряде областей Хотана, в результате чего происходили постоянные вооруженные столкновения между тибетскими и китайскими военными отрядами (см. документы Hedin 20, Hedin 21); использовании тибетских мер веса наравне с китайскими (документ Or. 11252.4) и др., позволяют датировать группу документов из "Шести городов" последними годами тибетского управления Хотаном, т. е. последним десятилетием IX в. н. э.⁹

Таким образом, между документами из двух хотанских архивов примерно 100 лет. Но есть, как кажется, и документы, составленные в один и тот же период. Это относится к большинству документов на дереве из "Шести городов". Их датировкой специально не занимались. Между тем они по форме совершенно идентичны документам на дереве из Гайсаты. По содержанию и те, и другие документы представляют собой краткие приказы, переданные от лица высших чиновников или самого хотанского раджи, через чиновников, более низких по должности, местным старостам Гайсаты и "Шести городов". Ни на одном из них нет помет китайскими иероглифами. Очевидно, это приказы-депешы, которые передавались из рук в руки и не имели копий. Из 45 документов на дереве из коллекции С. Гедина 33 содержат приказы, посланные на имя некоего Śude Viśa'rasaṃgā (варианты: Śude Salā Viśa'rasaṃgā, Viśa'rasaṃgā, Viśa'rasaṃgi, Viśirasamgi). Отправителями приказов выступают spāta Vimaladattā или spāta Budadattā, которые ссылаются на распоряжения, полученные от хотанского раджи, от spāta Śilā или министра — ātāsa. Топоним "Шесть городов" в этих документах упоминается только один раз — в документе Hedin 64 — приказе на имя Śude Viśa'rasaṃgā (контекст неясен, документ плохой сохранности). Очевидно, этот же самый Viśa'rasaṃgā упоминается в документе на бумаге из Гайсаты SI P/94.24 + 93.6, в котором ṣṣau Phvaihu'hi' посылает приказ spāta Гайсаты Сидаки принять дар от Viśa'rīsaṃgi (он же во второй раз назван Vaśirasamgi). Spāta Vimal-

adattā отдает распоряжение Сидаки в документах из Гайсаты SI P/103.26 и 94.10. Spāta Budadattā посылает приказ Сидаки срочно прислать в Пхему ткань для ṣṣū-kṣāhā — китайский титул, который остался не объясненным (см. КТ IV, с. 160, где Х. В. Бэйли предложил вариант перевода кит. so-tsu "dependant"). Этот же титул упомянут в документе Hedin 56, — Vimaladattā передает Śude Viśa'rasaṃgā приказ некоего ṣṣū-kṣāhā. Большинство приказов, посланных в "Шесть городов", касаются посылки транспортных животных в Nīna (Нию) или продовольствия, тканей, одежды в Пхему. Аналогичные приказы содержатся в документах из Гайсаты. Один документ на дереве из Гайсаты особенно ценен для наших целей: это SI P/136a. В нем содержится приказ (чей — не указано) на имя spāta Iṅvaruñā и Sīḍakā послать одежду в "Cīṅa kṣa auve", т. е. в "Шесть деревень" из [оазиса] Чира. Этот документ подтверждает наличие постоянных контактов между Гайсатой и "Шестью городами".

Таким образом, в обеих группах документов прослеживаются следующие пути передачи информации: раджа Хотана или министр — ātāsa, китайский или тибетский чиновник столичной администрации, spāta Vimaladattā или Budadattā, местные чиновники spāta Sīḍakā или Śude Vaśa'rasaṃgā. Приказы разделялись только на последнем участке пути — шли в Гайсату или в "Шесть городов". Этот механизм важен для понимания того факта, что Гайсата и "Шесть городов" рассматривались в центральной канцелярии как самостоятельные административные единицы.

Проанализируем всё, что известно о "Шести городах" из самих хотаносакских документов.

Термин *kṣa auve* в течение долгого времени традиционно переводился как "Шесть городов" ("Six Towns", "Six Cities") и только Г. В. Бэйли начал переводить его как "Шесть деревень" ("Six Villages"), опираясь на словарное значение слова *auva* — "деревня"¹⁰. В контекстах рассматриваемых документов *auva* также употребляется в сочетании *auva haṃḍasti* — "деревенский староста"¹¹. В документах термин *auva* противопоставляется термину *kanthā* (фонетические варианты *kaṃtha*, *katha*), который употребляется в значении "город"¹². В документах из "Шести деревень" этот термин встречается 3 раза, и все 3 — по отношению к одному и тому же городу Пхема¹³. Необходимо отметить, что в хотаносакских документах термин *kanthā* применительно к территории Хотана употребляется вообще крайне редко. Нам удалось обнаружить его еще в 5 контекстах, и среди них встречаются также города, расположенные за пределами Хотана¹⁴. Не вдаваясь в обсуждение проблемы, что в хотаносакских документах I тыс. н. э.

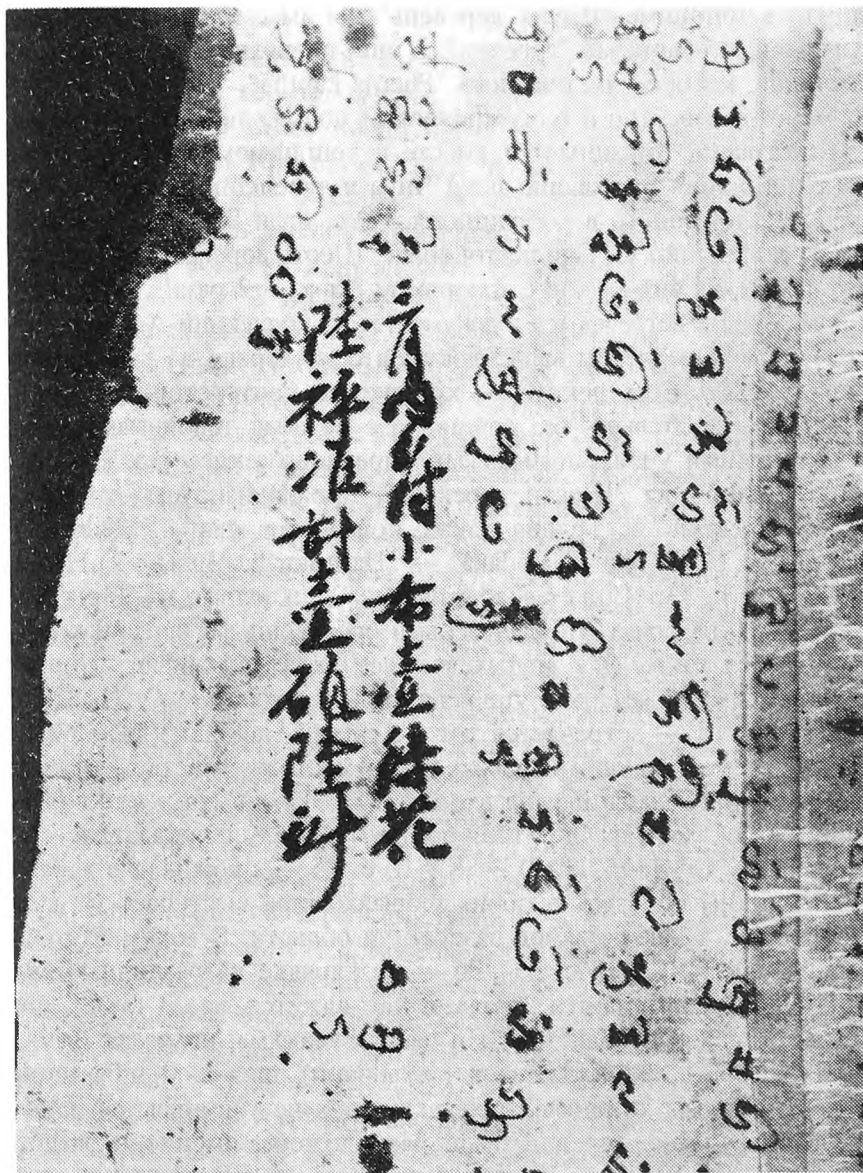

Рис. 1.

Нижняя часть документа SJ P/94. 2 из коллекции Н. Ф. Петровского

имелось в виду под термином "деревня", и что называлось "городом", отметим, что в топониме "Шесть деревень" мы имеем дело с населенными пунктами, названными "деревня", и они, очевидно, отличались от типа поселения, которое именовалось "Phema kanthā".

Далее, что известно о географическом положении "Шести деревень"? Это название упоминается вместе с топонимом *Cira*, который дожил до наших дней в названии реки Чира и населенного пункта Чира-Базар, расположенного в координатах 37° с. ш. и 80°50' в. д. В документах из коллекции С. Гедина топоним "Шесть деревень" упоминается всего 17 раз, из них вместе с топонимом Чира — 2 раза¹⁵. Один раз оба топонима вместе встречаются в документах из коллекции А. Стейна¹⁶ и один раз — в упомянутом выше документе на дереве из коллекции Н. Ф. Петровского. Есть некоторое количество контекстов, где Чира упоминается самостоятельно, без сочетания с другими топонимами. Поскольку китайскими учеными высказано предположение, что Чира — это название одной из "Шести деревень", проанализируем эти контексты. В коллекции С. Гедина таких контекстов два: 1) Hedin 16 (1) — КТ IV, с. 30: "Cīrām Namdaka" — "Намдаки из Чирь"; 2) Hedin 19 (3) — КТ IV, с. 33: "Cīra Haskadamā" — "Хаскадарми из Чирь". В обоих случаях Чира сочетается с именами собственными людей, которые упоминаются также и в других документах, с помощью которых их местожительство может быть уточнено. Так, в документе Or. 11252.2 (15) — КТ II, с. 15 — встречается тот же самый Намдаки (это может быть подтверждено просопографией), и его местожительством назван округ деревни Биргамдары под названием Mattiśka; он же неоднократно упомянут в документах Or. 11252.6 и Or. 11344.8. Хаскадарми, согласно документу Or. 11252.2 (7) — КТ II, с. 15 — проживал в деревне *Vimṅula*. Таким образом, в обоих случаях Чира выступает не как название деревни, а как название оазиса или области. В документе Or. 11344.8 (a3,4; b4) — КТ II, с. 35—36 — разрядке на различные виды работ — Чира упоминается 3 раза, и как кажется, все 3 также для обозначения оазиса или области¹⁷. Ни оазис Гулакхма, ни оазис Домако (разумеется, под другими, старыми названиями), ни какой-либо иной оазис в известных нам хотаносакских документах не упоминаются. Очевидно, названные выше деревни были расположены именно в оазисе Чира. Тот факт, что в оазисе Домако были обнаружены несколько хотаносакских документов рассматриваемого периода, в которых содержались распоряжения *spāta Sudārtjām'a*, касающиеся жителей "Шести деревень", Аскуры и Биргамдары, может служить доказательством административного соподчинения оазисов Чира и Домако одному центру.

Этот факт нуждается в специальных доказательствах, которые мы приведем ниже.

В двух документах по отношению к топониму "Шесть деревень" употребляется термин *pīṣkala* "округ, провинция" (ср. скр. *pradeśa*), оба документа были процитированы нами выше: Or. 11252.2 (1) — "Округ «Шесть городов» в Чира" и Hedin 3 verso (2—3, 8) — "ttāgutta hacasta pīṣkali" — "в округе, находящемся под протекторатом (?) тибетцев". Термин *pīṣkala* как единица административного деления в документах, помимо приведенных контекстов, нам встретился всего дважды, оба раза по отношению к топониму Kamdva, который рассматривался как дистрикт, подчиненный городу Пхема¹⁸. Во всех остальных случаях *pīṣkala* обозначает просто "область".

Три документа позволяют довольно точно представить размер округа "Шесть деревень". Первым по времени и по значимости следует назвать документ Hedin 18, датированный "33-м годом правления". В нем приведена социальная структура и количество жителей-мужчин "Шести деревень". Не все термины в документе ясны, поэтому Г. В. Бэйли, чьей интерпретацией мы пользуемся, кое-что оставил без перевода. Документ гласит: "...В соответствии с регистром количество мужчин — [налогоплательщиков] — 52. [Сверх того] работников, [приписанных] ко двору раджи, — 15. [Мужчин] — *paśāta* — 18, они принадлежат божественному *cāṭi śṣī* и божественному принцу; собственно *paśāta* — 10. Мужчин — *paśāta*, принадлежащих чиновнику — *haubaraa* и двум министрам — *āmāca*, — 13. Мужчин [в "Шести деревнях"] всего 100 и 8. В "Шести деревнях" шесть чиновников — *sīānaḍa*"¹⁹.

Документы Hedin 1 (1) — КТ IV, с. 21 — и Hedin 13 (1) — КТ IV, с. 29, датированные "35-м годом правления", указывают число мужчин-работников, платящих налоги, — 44²⁰. Под налогоплательщиками следует понимать домохозяев, ведущих собственное хозяйство и выращивающих зерно, поскольку двумя главными статьями налогов были различные виды зерна и тканей. На их плечи ложились и расходы на общественные нужды. Так, в документе Hedin 18, процитированном выше, содержится приказ *ṣṣau Svīṃdū* всем жителям "Шести деревень" сообща купить 1 верблюда для сторожевой службы. В документе Hedin 8 — КТ IV, с. 26 — содержится приказ, без даты и адреса, приобрести совместно с жителями "Шести деревень" таким же образом, как это делалось прежде, одного коня для охраны урожая.

Из приведенных документов ясно видно, что "Шесть деревень" представляли собой небольшую административную единицу — *pīṣkala*, в состав которой входило, в среднем, около 50 хозяйств. Шесть деревень, от 5 до 10 хозяйств каждая, были объединены, очевидно, для

удобства управления и налогообложения. Можно предположить, что эти хозяйства вплотную прилегали друг к другу и были связаны общими оросительными сооружениями, о чем мы поговорим ниже.

"Шесть деревень" имели собственного управляющего, на имя которого шли приказы из вышестоящей канцелярии, и который, в свою очередь, рассылал распоряжения по деревням. В документах сохранилось два имени местных управляющих: Śude Salā Vaśa' rasamgā, титул и должность которого нигде не названы, и tsīṣi spāta Sudārjām. Титул *цыши*, кит. *tsīṣi*, согласно китайским источникам, относился к числу высоких административных титулов: "правитель округа". Он сохранился в Хотане до X в. н. э.²¹ *Цыши* спада Сударрджам, как показал Г. В. Бэйли, упоминается и в тибетских документах из Хотана как "bu-lon li sar-śoñ" — "minister Sar-śoñ of Khotan"²². Эти правители получали приказы вышестоящих чиновников из канцелярии раджи или из канцелярии города Пхемы. В приказах содержались требования посылать в Gīra — на "Холм", в Пхему или в Нию, где находился пограничный военный гарнизон, налоги, собранные деньгами, зерном, тканями, а также скот и транспортных животных. Сударрджам, ссылаясь на эти приказы, рассылал распоряжения в "Шесть деревень", Аскуру и Биргамдару. Как было указано выше, в "Шести деревнях" проживали 6 чиновников — *stānaḍa*. Относительно значения и этимологии термина *stānaḍa* писали Г. В. Бэйли и Р. Е. Эммерик²³. Исходя из контекста документа Hedin 18, приведенного выше, под *stānaḍa* нужно понимать местную знать. Она противопоставляется рядовым домохозяевам, см., например, документ Hedin 21 (1--2) — КТ IV, с. 34, который адресован "Чиновникам-станада "Шести деревень" области Чира, а также фермерам, — всем [жителям]". Согласно документу Hedin 13 (4), в состав станада следует отнести самого "цъши и купцов и богатых людей..."²⁴. Их имена перечислены, вместе с той частью налога, которую они вышлатили, в нижней части свитка, в направлении, противоположном остальному тексту: 1) tsīṣi-official spāta Sudārjām; 2) spāta Yamnividti; 3) pharṣa Sāmadi — "судья Самади"; 4) ṣanīraki; 5) Budamma; 6) Sakām. Эти же люди перечислены в документе Hedin 1 (4—6), только вместо Сакама нужное, согласно разрядке, количество ткани сдали вместе Hvīṣi и Visarjām. Перечисленные сведения важны для нас также и потому, что в них содержится прямое указание относительно места проживания *цыши* спада Сударрджам и его социального статуса в "Шести деревнях". Попытаемся теперь с помощью документов установить, на какую территорию распространялась его власть.

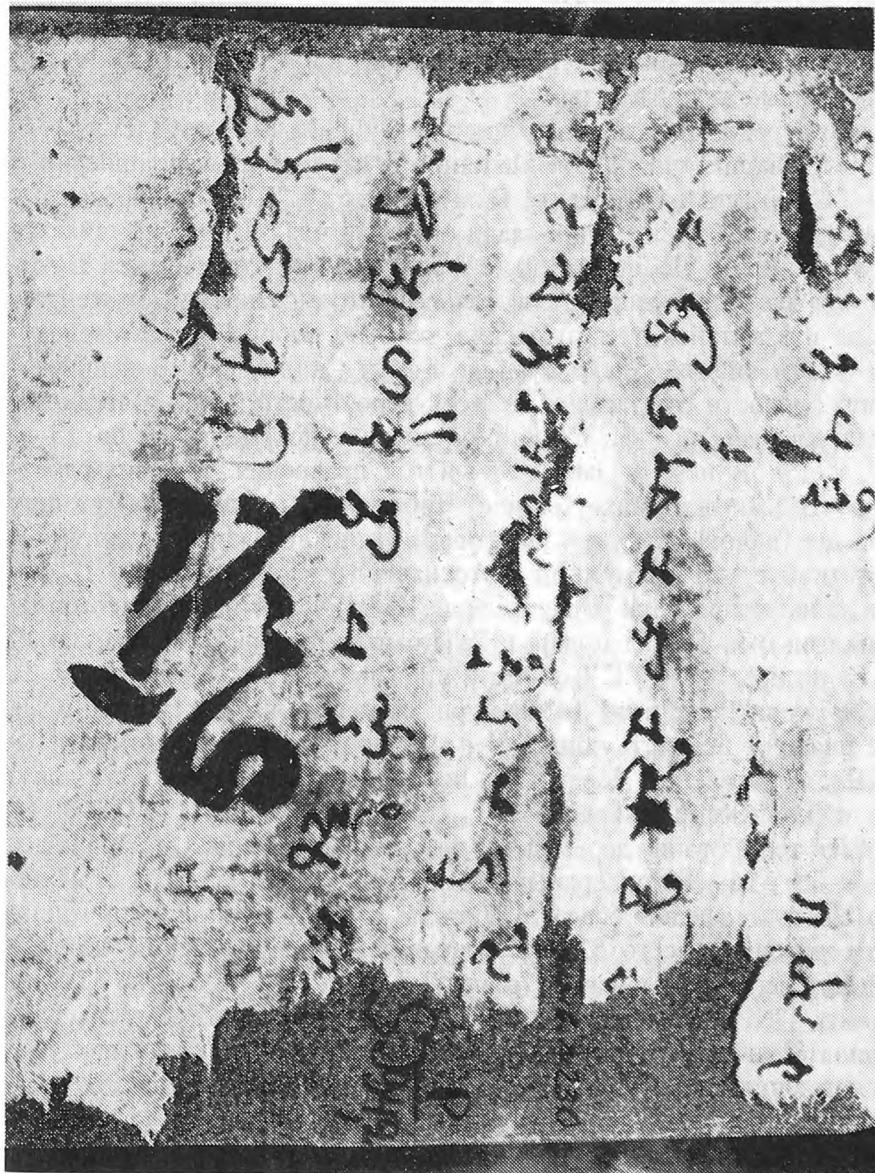

Рис. 2
Нижняя часть документа SJ P/103. 49 из коллекции Н. Ф. Петровского

До сих пор в стороне от внимания исследователей, как это ни странно, оставались документы из коллекции С. Гедина, в которых ряд деревень, входящих в состав рассматриваемой Шестерки, названы прямо, и иных толкований этих текстов, как представляется, быть не может. Приведем эти контексты.

Две деревни названы в документе Hedin 16 (6) — КТ IV, с. 30: "kṣvā auvā phaṃṇā suhadatti u kharamurrai tcinaji thau hauḍāṃḍe 40 ḅ chā" — "Сухадатти из [деревни] Пхамна, [что] в "Шести деревнях", и Кхарамуррай из деревни Цина сдали ткани 46 чха". Цина упоминается также в документе Hedin 24 б(2) (в форме *tcina*). Что касается Пхамны, то она часто упоминается не только в хотаносакских документах, но также и в китайских и тибетских, об этом сообщают все исследователи, в том числе и Чжан Гуан-да и Жун Синь-пзян²⁵. В непосредственной близости от Пхамны, по всей вероятности, была расположена маленькая деревня Па. Обратимся вновь к документу Hedin 13 — КТ IV, с. 29: В нем сказано: "35-ый год правления. Мужчин-работников в «Шести деревнях» [оазиса] Чира — 44, на каждого мужчину приходится [налог] по куску шерстяной ткани в 23 фута [длиной]. В соответствии с числом мужчин всего начисляется 25 кусков в 12 футов", и далее приводится распределение этих кусков между налогоплательщиками: стк. 10: "Phaṃṇājā u Pa'jā paṃjyi thaunakā mūri himārā 10 4 ysā' ca drraise 10" — "С [мужчин], проживающих в Пхамна и Па, за 5 кусков ткани [деньгами] 14310 мури". Таким образом, Пхамна и Па вместе платили 1/5 часть общей суммы налога тканью, причитающегося с "Шести деревень". Деревня Па неоднократно упоминается в документах из коллекции С. Гедина²⁶.

Еще три названия деревень мы находим в документе Og. 11252.2 — КТ II, с. 15—16: "Милосердный, божественный [шлет] приказ: Пишкала «Шесть деревень» [оазиса] Чира. В этом году число налогоплательщиков зерном всего 53. Он приказал каждому мужчине платить налог в китайских мерах-шамга, [равных] 7 тибетским, [всего] по 11 куса и 9 шамга...". И далее идет распределение налога между отдельными налогоплательщиками: 7 человек... дают только просо, среди них указаны следующие люди (стк. 7—8): "...Viṃgulāna haskadarmā 29. Jīvṃvā Khaṣṭarām ... ysāḍāña hvrtiḍṭa pūrā vēmadatta 18..." — "Хаскадарми из [деревни] Вимгула — 29 [куса]. Кхаштарам в [деревне] Джива ... Висмадатти, сын Хвривидти из [деревни] Зада — 18 [куса]...". Из трех названий деревень — Вимгула, Джива и Зада — нам удалось найти в других документах только Вимгула — в форме *Veṃgulām* в документе Og. 6393.2 — КТ V, N 2, с. 3, стк. 2, который датируется правлением

Виша Вахама и посвящен покупке Сидаки земли у некоего *Braṃḡā* из деревни Вемгулам.

Очевидно, самой большой по размеру была деревня Пхамна, недаром ее название упоминается в китайских и тибетских источниках. Есть и дополнительная информация относительно Пхамны: на ее территории находился пруд, используемый для орошения, — "*phaṃṇājāñi āṣeṃji*" — "пруд жителей Пхамны" (Ог. 9268, I (5), КТ II, с. 13). За денежную плату жители соседних деревень могли получить отвод воды на свои поля на определенное время (из документа не ясно, на какой срок). В документе II упоминаются условия покупки воды для Биргамдары. Во времена цыши спада Сударрджамы деревенским старостой Пхамны был *Ysiviṭi*²⁷.

Подводя итог сказанному, мы можем привести названия шести деревень, которые вместе составляли административную единицу "Шесть Деревень": 1) Пхамна; 2) Па; 3) Цина; 4) Вимгула или Вемгулам; 5) Джива; 6) Зада.

Помимо "Шести деревень", Сударрджаму подчинялись еще 2 деревни, которые, судя по наличию тесных контактов с "Шестью деревнями", отмеченных в документах, находились по соседству, тоже в оазисе Чира, — Биргамдара и Аскура. Документы свидетельствуют, что эти 3 населенных пункта составляли общую фискальную единицу. Сударрджам своими приказами регулировал ход сбора налогов и выполнение общественных работ на всей рассматриваемой территории. Особенно показателен в этом отношении документ Ог. 11344.12 — КТ II, с. 37, в котором одновременно содержатся и распоряжение о посылке вина, ячменя и люцерны ко двору, адресованное на имя Сударрджамы (сторона а), и его ответные распоряжения (сторона б). Приказ Сударрджамы адресован управляющему Биргамдарой "*phaṛṣa Sāṃdarā*" — "судье Самдари"²⁸, упоминает "*āskūṭi haṃadasta*" — "старосту Аскуры" (имя не указано), который явился за распоряжениями, и содержит требование послать ко двору нужные продукты и направить рабочих в Аскуру и к пруду Пхамны, а также вместе с жителями Аскуры расчистить дороги.

Об Аскуре документы не сообщают никаких подробностей. О Биргамдаре, помимо упомянутого выше документа-купчей на воду из пруда Пхамны, известно, что в ее состав входил сторожевой отряд, квартированный в районе *Mattiškā*²⁹. В документах неоднократно упоминается некий Шанирака из Маттишка — "*Birgaṃdara Mattiškāña Śaṇiraka*"³⁰.

Установив названия "Шести деревень" и определив область, на которую распространялась власть *цыши* спада Сударрджамы, мы долж-

ны выяснить еще два вопроса, которые, как представляется, абсолютно неверно решены в работе Чжан Гуан-да и Жун Синь-цзяна, — это отношения "Шести деревень" и Гайсаты и роль города Пхемы в юго-восточной части Хотана. От решения второго вопроса, как кажется, зависит объяснение находок документов, связанных с "Шестью деревнями" и Гайсатой, в оазисе Думаку.

Прежде всего, следует отметить, что Гайсата не подчинялась цзппи спада Сударрджаму. Ни в одном документе, касающемся названных выше деревень, топоним Гайсата не встречается. О том, что Гайсата рассматривалась как самостоятельная единица налогообложения и в более ранний период, в середине VIII в., в 17-ый год правления Виша Вахама, свидетельствует документ Og. 6395.2 (КТ V, с. 4). В нем сказано: "Жители Гайсаты сдали налог за месяц Чватаджа. Всего мужчин, которые должны сдавать, насчитывается 55. [С них причитается] налога 5500 мура..."³¹. Ежемесячная норма налога деньгами 100 мура с хозяйства подтверждается также документом SI P/94,1, который датируется "15-ым годом царствования Виша Вахама". В нем сказано, что Сидаки собрал "царский налог" за месяц Ттамджара 5 тыс. мури. Очевидно, количество хозяйств, подлежащих налогообложению, в этот год было около 50. Таким образом, во время правления Виша Вахама Гайсата была самостоятельной фискальной единицей, и распоряжения о сдаче налогов из царской канцелярии шли на имя деревенского старосты спада Сидаки³². Географически Гайсата должна была располагаться по соседству с "Шестью деревнями", Аскурой и Биргамдарой. Мы уже приводили тексты документов, в которых упоминается о посылке одежды из Гайсаты в "Шесть деревень" и о покупке Сидакой земельного участка в деревне Вимгулам — одной из "Шести деревень". Два документа D v 4 и D v 3 (КТ V, с. 259) — дают дополнительное подтверждение связей Гайсаты с этими деревнями. Они же указывают на связь этой области с Пхемой и на наличие там административного центра, которому подчинялись все эти деревни. Так, в документе D v 4 — письме некоего *spāta tturgāsi* на имя Сидаки — передается приказ от *sūksuha* из Пхемы о присылке туда для двух конюшен 10 "взрослых животных" (хот.-сак. *stūra*), а также о необходимости снабдить этими животными, вероятно, для уборки и вывоза урожая, работников, выращивающих зерно для раджи, для принца и для чиновников-*g̃hīaa* из Пхамны³³. Документ D v 3 содержит приказ некоего *spāta Devaka* (имя в других документах не встречается) о рассылке бычьих шкур. На чье имя был послан приказ — неизвестно, он распространялся на Биргамдару и на Гайсату. Шкуры приказано послать в Пхему.

Почти 200 документов из коллекции Н. Ф. Петровского, которые относятся исключительно к Гайсате; не содержат упоминаний о каких-либо достопримечательностях этой деревни. Она была рядовая, такая же, как "Шесть деревень", Аскура и Биргамдара, выплачивала налоги в царскую казну и административно, вероятно, подчинялась Пхеме. В документах нет сведений о наличии каких-либо буддийских святынь или буддийского духовенства на территории деревни, равно как и нет особых указаний о том, что там была расположена крепость или сторожевой отряд. Есть все основания полагать, что Гайсата также была расположена в оазисе Чира. Между тем в последние годы эта деревня оказалась в центре внимания ученых, причем была сделана попытка идентифицировать Гайсату с Дандан-Уйльком. Первоначально Р. Хёрле, Э. Шаванн и А. Стейн связали найденные в Дандан-Уйльке китайские документы с упоминавшимся в них топонимом *Lixie*³⁴. В 1984 г. японские ученые Мориясу Такао и Икеда Он подтвердили это отождествление³⁵. Ими же было высказано предположение, принятое также Чжан Гуан-да и Жун Синь-цзяном, согласно которому кит. *Lixie* — это хот.-сакск. *Gaysāta*, а упоминающийся в китайских документах "Sabo Silüe" — "это спада Сидаки"³⁶.

Здравый смысл подсказывает, что что-то в этих отождествлениях не так. Дандан-Уйльк (в переводе с тюркского это название этимологизируется как "Дома из слоновой кости") впервые был описан С. Гедином, который назвал его "the ancient city Taklamakān". А. Стейн сделал подробное описание развалин древнего города, в котором раскрыты остатки буддийских памятников, фрески, скульптура, а также дворцовые сооружения, которые идентифицированы им как резиденция местного чиновника или правителя. В развалинах обнаружено большое количество буддийских рукописей и деловых документов на хотаносакском, китайском и тибетском языках. Китайские документы и монеты привели А. Стейна к заключению, что город был оставлен жителями в последнее десятилетие VIII в. и был последним оплотом китайского протектората над "Четырьмя инспекциями"³⁷. Если это предположение верно, то архив старосты Гайсаты Сидаки должен был храниться именно здесь, в канцелярии при резиденции. Однако нет никакой возможности утверждать это. Более того, скорее, местные жители извлекли их совсем из другого тайника, расположенного где-нибудь в укромном месте, не попавшемся на глаза европейским археологам. Как представляется, описание развалин древнего города на территории Дандан-Уйлька вряд ли может быть соотнесено с небольшой деревней Гайсатой. Одно из двух: либо Гайсату нельзя идентифицировать с кит. *Lixie*, ли-

бо кит. *Lixie* — не Дандан-Уйлык. В настоящее время у исследователей нет достаточного материала, чтобы подтвердить эту гипотезу.

Теперь обратимся к городу Пхема. Мы уже упоминали, что в наших документах хотаносакский термин *kanthā*, *kamtha* "город" сочетается почти исключительно с топонимом Пхема. О географическом местоположении Пхемы в литературе сказано достаточно. Он, очевидно, находился на пути между оазисом Чира и Нией, между долинами рек Чира и Понак, и был упомянут в "Путешествии на Запад" Сюаньцзаном под названием Р'и-то и Марко Поло как *Pein*³⁸. Какую информацию можно получить о Пхеме из хотаносакских документов?

Во-первых, Пхема была крупным буддийским центром, в котором проживала буддийская община, и, значит, был монастырь. Письмо к духовным братьям, проживавшим в этой общине, с перечислением имен знатоков буддийских текстов, содержится в документе *Hedin 7 recto* (КТ IV, с. 25). О величине общины (хот.-сакск. *sakherma*, скр. *sanghāra*) можно судить по жалобе проживавших в ней монахов на своего Главного — хот.-сакск. *pramuha* (документ *Hedin 7 verso*, КТ IV, с. 26). Они упоминают 50—60 человек только в ранге стхавира, т. е. "старших настоятелей" (стк. 3). В Пхеме, согласно этому документу, проживал также *kū-thaigā-sī*, китайский титул, который Г. В. Бэйли переводит как "regulator of monks", опираясь на пояснения, данные Е. Пуллейблэнком³⁹. Документ *Hedin 7*, по всей вероятности, относится к концу тибетского господства в Хотане, поскольку проживавшие в монастыре жалуются на разорение и унижение, которые они терпят от своего Главного из-за поборов в пользу тибетцев. Особенно важны для выяснения роли Пхемы документы *Hedin 20* и *Hedin 21* (КТ IV, с. 33—34), в которых содержится приказ Сударрджамы местным жителям подчиненных ему деревень вместе со своим скотом и продовольствием укрыться в Пхеме от нападений гуннов и китайцев. Очевидно, в Пхеме существовала достаточно большая крепость со стенами, за которыми могли укрыться и люди, и скот.

Далее. Хотя Пхема находилась на территории плодородного оазиса, очевидно, в ней проживало большое количество жителей и местной знати, и своего хлеба и прочих сельскохозяйственных продуктов ей нехватало. Отсюда — постоянные приказы о присылке хлеба, скота, тканей, одежды и денег. Можно предположить, что Пхема была главным городом области, которая занимала территорию оазисов Чира, Гулакхма и Думаку, расположенных в долинах рек Чира, Понак и Керия. Упоминания о китайской администрации в лице *sūkṣuha*, проживавшего в Пхеме, в ряде документов из "Шести деревень" и Гайсаты, подтверждают это предположение и позволяют сопоставить эту об-

ласть с китайской префектурой *zhou*, о которой говорил Г. Халун, характеризуя территорию "Шести деревень". Если это так, нет ничего удивительного, что документы, адресованные в "Шесть деревень" и Гайсагу, были обнаружены на территории оазиса Думаку.

Обратимся теперь к географической карте начала века, оставленной первооткрывателями древней центральноазиатской цивилизации, и к археологическим находкам, сделанным ими.

Известно, что в последние 20 лет китайские ученые ведут активные археологические работы в Восточном Туркестане и открыли большое количество древних рукописей и деловых документов на китайском, тибетском и хотаносакском языках. Однако в Европе об этих находках почти неизвестно, на европейских языках отчеты об археологических работах и новых письменных памятниках почти не публикуются. С результатами этих работ Чжан Гуан-да и Жун Синь-цзян безусловно знакомы, но и в их трудах, посвященных истории и географии древнего Хотана, ничего нового, по сравнению с теми описаниями, с которыми мы знакомы по трудам европейских и русских путешественников и ученых, нам найти не удалось. Недостаточно учтены китайскими учеными и богатейшие археологические материалы А. Стейна, С. Гедина, С. Ф. Ольденбурга и др. Нужно отметить, что далеко не все их находки получили надежную и достаточную интерпретацию и в свое время. Иначе и не могло быть, поскольку большинство письменных источников, добытых ими, в те годы еще не было прочитано. Мы сделали попытку наложить сведения, которые могут быть получены из хотаносакских деловых документов из юго-восточного Хотана, на описания, приведенные А. Стейном. Как кажется, письменные источники могут помочь в интерпретации многих его находок.

А. Стейн двинулся на поиски древнего города P'i-to, который Сюань-цзан посетил на пути из Индии в Китай. Генри Юл был первым из европейских исследователей, который отождествил его с Pein Марко Поло⁴⁰. А. Стейн вышел из Дандан-Уйлька и двигался через пустыню с севера на юг до реки Керия, затем вверх по реке Керия, пройдя через цепь небольших оазисов между реками Керия и Чира. Оазисы питали воды трех рек — Чира, Понак и Керия, они были густо населены. В Чира, наибольшем из трех, во времена А. Стейна насчитывалось около 3500 хозяйств, в Гулакхма и Думаку — по 2 тыс. хозяйств⁴¹. На пути попадались остатки древних ирригационных сооружений. Границы древних поселений были отчетливо видны по рядам огромных тополей — А. Стейн называет их, вслед за местными жителями, тограками и передает рассказ о том, что деревья эти растут тут с глубокой древности. На пути попадались небольшие озера и болота. Следы

древней ирригации позволяли заключить, что и в древности эти оазисы были многонаселенными. По пути А. Стейн слышал рассказы местного населения и проводников о развалинах двух древних городов в пустыне, за оазисом Гулакхма, в 40 милях к северо-западу от реки Керии. Эти-то развалины и были определены им как древний город Р'и-то (Rein). Вначале на его пути оказались развалины, которые местными жителями назывались *Узун-тати*, "Дальний Тати". Они тянулись с севера на юг на расстоянии 1 мили и более четверти мили имели в поперечнике. Археологический материал свидетельствовал о том, что город был покинут уже в мусульманское время. Двигаясь к югу от Узун-тати, А. Стейн вышел к развалинам, которые местные жители называли *Улуг-зиарат* (или *Улуг-мазар*), что в переводе с тюрского значит "Великая святыня". Известно, что в Восточном Туркестане на месте многих буддийских святынь позднее расположились мусульманские святыни, причем этимология древних названий, со сменой языков, оставалась неизменной. А. Стейн сделал заключение, что перед ним — остатки древнего буддийского храма, который поразил воображение Сюань-цзана прекрасной статуей стоящего Будды, вырезанной из сандалового дерева. Об этой статуе позднее упоминал и Сунъюнь, называя город Ханьмо. Марко Поло употреблял название Пеин для целой области, которая была расположена к востоку от Хотана и тянулась с востока на северо-восток на пять дней пути. Пеином также назывался главный город и "столица царства"⁴². На полпути между Узун-тати и Улуг-мазаром А. Стейн обнаружил развалины древней крепости. Стены толщиной в 11 футов ограждали небольшое ровное место овальной формы, около 480 футов в длину и 348 футов в ширину. Никаких остатков строений внутри не было, но подпочвенная вода была близко и ясно, что крепость была обитаема. А. Стейн отметил сходство этой крепости с крепостью в Эндере, но не мог определить, как ее использовали в древности.

Как представляется, всё описанное А. Стейном, хорошо согласуется с той картиной, которую мы можем восстановить по рассмотренным выше хотаносакским документам.

Юго-восточная область Хотана, расположенная в бассейнах рек Чира, Понак и Керия, между собственно Хотаном и Нией, составляла, очевидно, особую административную единицу с центром в Пхеме. Г. В. Бэйли приводит для топонима Пхема этимологию "образ, изображение" (ср. скр. *pratimā*). Вероятно, здесь можно усмотреть связь со статуей Будды, о которой упоминают китайские путешественники. Северная часть развалин — на месте Узун-тати, вероятно, была центром, где проживала местная и китайская администрация, а во времена

тибетского господства — и тибетская администрация. В 3-х милях к югу от Узун-тати, на месте развалин в Улуг-зиарат (или Улуг-мазар) в VIII—IX вв. располагался буддийский монастырь, где проживала упомянутая в документах буддийская община. К северу же от монастыря, между ним и административным центром, возвышалась та самая крепость, которая, вероятно, упоминается в документах под названием Kamdva⁴³. Судя по документам Hedin 20 и Hedin 21, именно в этой крепости Сударрджам приказал укрыться от нападения врагов жителям "Шести деревень", вместе с продовольствием и скотом. Очевидно, крепость использовалась для укрытия только во времена военной опасности, поэтому А. Стейн и не нашел там следов постоянных жилищ.

Древние деревни, расположенные в оазисе Чира (Пхема, судя по археологическим находкам, была расположена к северу от них), вряд ли когда-нибудь удастся идентифицировать. Район этот густонаселен, покрыт новой сетью ирригационных сооружений, и только русла старых оросительных каналов да вековые деревья служат приметам того, что эта территория была обитаема с древнейших времен.

Примечания

1. Hoernle A. F. R. A Report on the British Collection of Antiquities from Central Asia. Part II. — Journal of the Asiatic Society of Bengal. 1901. LXX—1. Extra-n° 1.

2. Chavannes E. Chinese Documents from the sites of Dandān-Uiliq, Niya and Endere. — A. Stein. Ancient Khotan. Oxford, 1907. Vol. 2, p. 521—547.

3. Haloun G. Chinese Texts. Appendix to H. W. Bailey's KT IV. Cambridge, 1961, p. 176—177.

4. Zhang Guangda et Rong Xinjiang. Un manuscrit chinois découvert à Cira. — Cahier d'Extrême-Asie 3. 1987, p. 77—91.

5. Попутно отметим, что слова *Āskvira* и *Gayseta*, указанные в качестве названий, представляют собой ковенные падежные формы: Loc. sg.; Nom. sg. — *Askūra* (ср. тибетскую транслитерацию 'Osku и 'Orgu) и *Gaysāta*. Именно так они в дальнейшем и будут нами называться.

6. Коллекция Н. Ф. Петровского состоит из 242 документов, из них 11 документов — на дереве, остальные — на бумаге. Обзор коллекции см.: Vorobyova-Desyatovskaya M. I. The Leningrad collection of the Sakish Business Documents and the Problems of the investigation of Central Asian Texts. — Turfan and Tun-Huang. The Texts. Encounter of Civilization of the Silk Route. Ed. A. Cadonna. Firenze Leo S. Olshki Editore. 1992, p. 85—95. Факсимиле документов опубликовано: Saka Documents VII: The St. Petersburg Collection. Ed. by R. Emmerick and M. I. Vorob'eva-Desyatovskaja. Corpus Inscriptionum Iranicarum. L., 1993. Транслитерация, перевод на английский язык и интерпретация документов из коллекции Свена Гедина была сделана Г. В. Бэйли в серии "Khotanese Texts" (далее сокращенно КТ) IV. Cambridge, 1961. Им опубликованы 30 документов на бумаге и 45 документов на дереве. В настоящее время профессор Стаффан Розен, ответственный секретарь Фонда Свена Гедина, готовит к изданию том, в который войдут факсимиле всех этих документов. Том будет издан в серии трудов Стокгольмского Этнографического Музея.

7. Десять писем С. Гедина Н. Ф. Петровскому хранятся в Архиве востоковедов СПб Филиала ИВ РАН, в фонде Н. Ф. Петровского. Письма Н. Ф. Петровского и копии отве-

Восточные соседи России: памятники письменности и культуры

тов на них С. Гедина, как нам сообщил проф. С. Розен, хранятся в Королевском Архиве в Стокгольме.

8. См. Воробьева-Десятовская М. И. Хотано-саки. — Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии. М., 1992, с. 49, 50, 63—67.

9. В подтверждение достаточно упомянуть лишь некоторые документы: Hedin 3 verso, стк. 2—3 (КТ IV, с. 23): "We should be alive in a protected (?) Ttägutta sector" — "ttäguta hacasta piškali" — обращаются к радже Хотана жители "Шести городов" и далее излагают свои несчастья. Это письмо по содержанию почти полностью совпадает с другим, которое сохранилось в переложении на китайский язык и проанализировано в указанной выше работе Чжан Гуан-да и Жун Синь-цзяна (см. с. 79). В китайском тексте авторами письма названы жители Lixie. Чжан Гуан-да и Жун Синь-цзян считают, что речь идет о Гайсате, но в тексте упоминаются также "Шесть городов", где, как получается из письма, находятся зерно и скот Гайсаты, посланные туда по чьему-то приказу. Чжан Гуан-да и Жун Синь-цзян используют эту спорную, по нашему мнению, интерпретацию китайского перевода (или неточный китайский перевод хотаносакского документа) для доказательства подчинения Гайсаты "Шести городам". К этому вопросу мы вернемся позже.

О сохранении позиций тибетцев в Хотане в годы составления рассматриваемых документов говорят и другие сообщения. Например, в документе Hedin 20 (КТ IV, с. 33), который датируется "36-ым годом правления" неназванного раджи, правитель "Шести городов" spāta Sudārgtjam передает приказ раджи Хотана, согласно которому он сам и прочие "старшие", тибетец Lünā ha'bā śi'tā (тиб. *blon Lha-ba gšen-rabs*) и др. должны организовать эвакуацию жителей "Шести городов" в Пхему из-за наступления китайского отряда. В документе Hedin 21 (КТ IV, с. 34), относящемся к "32-му году правления", тибетцы должны дать оружие жителям "Шести городов" для обороны. Количество примеров можно увеличить.

10. Хот.-сакск. *āvī* или *āgū* "деревня", в документах часто встречается форма Loc. plr. — *kṣvā auvā* (фонетические варианты *auvā*, *ovā*): в "Шести Деревнях".

11. См., например, Hedin 12 (3) (КТ IV, с. 28): "Phamñāji auva hamdasti Ysiviti..." — "Староста деревни Пхамни Зивити...". В 50 документах из Гайсаты упоминается "auva hamdasti spāta Siḍakā" — "деревенский староста спада Сидаки".

12. Хот.-сакск. *kaṃthā* (*kaṃtha*, *katha*, N. sg.), *kaṃthe* (N. plr.), *kinthe* (Gen. sg.), *kintha*, *kītha* (Loc. sg.) широко употребляется, как указывает Г. В. Бэйли, в буддийских текстах для перевода санскритского *nagara* "город", см., например, "Suvamārabhāsa" (КТ I, с. 239, л. 556, стк. 3): "āguvo o kīntha o" — скр. *grāme vā nagare vā* — "в деревне ли, в городе ли".

13. В документах Hedin 7 (I) (КТ IV, с. 25), Hedin 20 (6, 13) (КТ IV, с. 34) и Hedin 24 (3) (КТ IV, с. 37), в одинаковой форме Loc. sg.: "phīmaña kīntha, phēmāna kītha" — "в город Пхему". Кроме того, *kīntha* "в город" в значении "в город Пхему" неоднократно упоминается в других документах: например, Or. 11252, 46(2), КТ II, 16; Or. 11344, 26(2), КТ II, с. 37.

14. В одном документе из Гайсаты — SI P/94.18, стк. 5, без топонима; в двух документах из Мазартага: MT с 0014 (2), КТ V, с. 221: "ttäguttāna kim[tha]" — "в город тибетцев"; MT с 0015 (2), КТ V, с. 221: "pīra kītha" — "в город Пиру"; во фрагменте из коллекции А. Стейна Or. 6400, 2, 3 (1, 3), КТ V, с. 11, содержащем буддийский текст: "Sica nāma vya kaṃtha" — "...был город под названием Сича"; "Sigamjsa nāma ya kaṃtha ha" — "там был город под названием Сигамджа." И, наконец, по отношению к Дуньхуану: "ṣacū gyītha" — "в городе Дуньхуан" (КТ III, 94, 35a; КТ II, 1—10, стк. 75) и др. Ср. итнерарий Ch. I, 0021 a, 6 (КТ II, с. 55—57), прокомментированный Г. В. Бэйли в "Acta Orientalia", 14 (1936), с. 258—267, где *kaṃtha* неоднократно сочетается с *ṣacū*.

15. См.: Hedin 13 (1), КТ IV, с. 29: "Cira kṣvā auvā kirarā hvamḍi" — "работающие мужчины в Шести деревнях Чирь"; Hedin 21 (1), КТ IV, с. 34 — "Cira kṣvā auvā stānaḍām vara" — "чиновникам-станада Шести деревень в Чира".

16. См. Or. 11252, 2 (1), КТ II, с. 16. — "Cira kṣvā auvā piškala" — "Округ Шесть деревень в Чира".

17. Or. 11344.8 (recto 3): "Cira jsara-bara 3" — "3 возчика зерна из Чира"; (recto 4): "hvamḍi 2 cira tsvādi" — "2 человека ушли в Чирь"; (verso 4): "ganam ramjsūsi kuse haṣṭa ṣamga ṣi cira haurāni" — "15 куса и 8 шамга пшеницы — это должно быть отдано в Чирь".

М. И. Воробьева-Десятковская. Топоним "Шесть деревень"

18. "Piškala Kamdvaja" — "проживающий в округе Камдва", см.: Bailey H. W. Saka Documents. Text Volume. Corpus Inscriptionum Iranicarum. Part II. Vol. V. Saka. London. 1968, p. 74, комментарий к док. МТ а 1, 0033 (5с).

19. Приведем хотаносакский текст документа по изданию Г. В. Бэйли и его комментарий: "...hvamḍi himya 52 || grāṁdi hiya māsavirā himya 15 || paśāta 10. haṣṭa cām ṣṣi gyastā hiya u yauvarāyā gyastā hiya paśāta himya 10 cu haubarai hiya u dviyām āmācām hiya paśāta himya 13 biśna hamba'ca hvamḍā himya sa. 8. ḡsvā auvā śtānada himāri kṣa". Комментарий Г. В. Бэйли: "paśāta — some subordinate, possibly the participle «sent»" ... "cām ṣṣi — "The title is Chinese ... ṡṡang-ṡi from t'iangṡi «keeper, secretary..." ... "haubarai, an official, by etymology the name could contain hāva-, hau "word" with the official component — багаа..." (КТ IV, с. 118). В квадратных скобках в русском переводе текст добавлен нами.

20. См. Hedin I (I): "kirārā hvamḍi 40 4"; Hedin 13 (1): "kirārā hvamḍi tcahauraca'hausa".

21. Ср. Bailey H. W. КТ IV, с. 54 (комментарий к док. Hedin 1 (2)). Его носили многие хотанские чиновники среднего разряда, так что высоким он почитался чисто номинально.

22. См. Bailey H. W. КТ IV, с. 56 (комментарий к док. Hedin 1 (4), где приведена также библиография).

23. См. Bailey H. W. КТ IV, с. 119 (комментарий к док. Hedin 18 (7)), который возводит хот.-сакск. *stānaḍa* к тиб. **stonbla* — "the superior teacher". Такого же мнения придерживается Р. Е. Эммерик, см.: Tibetan Loanwords in Khotanese and Khotanese Loanwords in Tibetan. — *Orientalia Josephi Tucci Memoriae Dicata*. Ed. G. Gnoli et L. Lanciotti. Vol. I. Roma, 1985, p. 312.

24. Хот.-сакск. "tsiṡi u hārvām u tsātā" (КТ IV, с. 29).

25. Ук. соч. С. 81, 82, 86.

26. См. док. Hedin 6 (2, 10), 10 (2), 12 (9)

27. См. док. Hedin 12 (3), КТ IV, с. 28: "Phamṅāji auva hamḍasti ysviṡi" — "Староста деревни Пхамны Зивити".

28. О том, что этот пхарша Самдари проживает в Биргамдаре, известно также из док. Hedin 3 (verso): там петиция Сударджама и жителей "Шести деревень" передается ко двору через "судью Биргамдары Самдари".

29. См. док. Hedin 42 а(3), КТ IV, с. 43: "mattiškana hinai vara I sala..." — 40 "Одна часть — в крепость в Маттишка".

30. См. Or. 11252,2 (13), КТ II, 15--16, Hedin 10 (4), КТ IV, 27; Achma (4), КТ II, 62, и др.

31. См. хот.-сакск. текст по изданию Г. В. Бэйли, КТ V, с. 4: стк. 1—3: "10 7 mye kṡāṅā ṡau ṡaṡi salya grāha māstā 10 7 mye haḍai gaysātāja auva cvātājā māstū thamḡā samauttāṁdā haurgāka hvamḍā hāmya 50 5 thamḡā ye ram-ysārā ramse mūrā..."

32. Только один документ из Гайсаты упоминает другого деревенского старосту, Дадуси, — "gaysātāja auva auva hamḍastā daḍūsi" (Hedin 26 (2), КТ IV, с. 38). Он датируется 7-ым годом правления раджи и "годом шау Видьядатти", о котором мы уже говорили раньше, разбирая документы на дереве периода Вишарасамги и Сидаки. Просопография налогоплательщиков в док. Hedin 26 позволяет отнести его к эпохе Виша Вахама. Пока это самый ранний из известных датированный документ годов правления Виша Вахама.

33. Ряд терминов, встречающихся в этом документе, остался непоявным. *Srāta Turgāṡi* упоминается только в этом документе, и Г. В. Бэйли предположил, что это имя должно быть связано с названием тюркского племени *Turgiš* (Saka Documents. Text Volume. P. 42, комментарий к док. D v 4 а (1)). Термин *śūksuḡa* уже упоминался нами как неопределенный китайский. Хот.-сакск. "phamṅāje ḡihānu hālai stūra haura 3" — "чиновнику-ḡihāa из Пхамны дать трех животных"; Г. В. Бэйли объяснял *ḡihāa* как производное от корня *ḡih* "помогать" (там же, с. 43).

34. См. упомянутую выше работу Р. Хёрнле, с. 22—24, табл. III, а также Stein A. Ancient Khotan. Oxford, 1907. Vol. I. p. 266—268.

35. Moriyasu Takau. Toban no chuō Ajia Shinshutsu. — Kanazawa daigaku bungakubu ronshū. Shigakuka hen, 4. 1984. P. 52—56. Pl. II.

36. Ук. соч. С. 80

37. Stein A. Ancient Khotan. P. 283—284.

Восточные соседи России: памятники письменности и культуры

38. См.: Stein A. Ancient Khotan. P. 443—469; Brough J. Comments on third-century Shan-Shan and the history of Buddhism. — BSOAS. 1965. 28. Pt. 3, с. 593. Bailey H. W. КТ IV. P. 83, где приведена библиография.

39. Хот.-сакск. *kū-thaigā-ṣi*, кит. *kung-t-ṣi*, титул вошел в употребление с конца VIII в. См. КТ IV, с. 90.

40. См. Stein A. Ancient Khotan. P. 457; Yule H. The Book of Ser Marco Polo. London, 1875. Vol. I—II. См. также: Pelliot P. Notes on Marco Polo. London, 1875. Vol. I—II. См. также: Pelliot P. Notes on Marco Polo. vol. 2, Paris, 1963 с. 801.

41. Stein A. Ancient Khotan. P. 468.

42. Минаев И. П. Путешествие Марко Поло. СПб., 1902, с. 71.

43. См. выше, прим. 18.

Пояснения к иллюстрациям

К рис. 1. Китайский иероглиф, встречающийся в конце многих документов из Гайса-ты и "Шести деревень", возможно, оттиск печати. Предложены два варианта интерпретации иероглифа: 1) *син* (𠄎) "утверждено, одобрено", см. G. Haloun, Appendix to КТ IV, p. 177); 2) *синь* (𠄎) "верно; подтверждаю" (интерпретация Л. И. Чугуевского).

К рис. 2. Китайская резолюция на хотаносакском документе. Чтение и интерпретация, предложенные Л. И. Чугуевским и Л. Н. Меньшиковым: "сань юэ нэй рэнь фу сяо бу и мянь-хуа лю чэн-чжу цзы и дань лю доу" — "В течение третьего месяца выделить и вручить один [кусок] "малой ткани" (?) и шесть [кусков] хлопковой ткани, [что по стоимости] равно одному даню шести доу (взятого зерна)".

M. I. Vorobyova-Desyatovskaya. Toponim "Six Villages" according to Khotanese Business Documents

This toponim is mentioned in many Khotanese and Chinese documents dated back to second part of the first millennium A. D. It continues to attract the attention of scholars from 1901, when the first Chinese document with this name was published by R. Hoernle. Ed. Chavannes was the first who tried to localise the toponim at 1907. He compared the data obtained from the Chinese officious sources of the T'ang period, with the documents invented by A. Stein in the region of Dandān-Uiliq. Chavannes supposed the Chinese had used this term as the denomination of the territory of Khotan as a whole. Farther investigation was going on in the direction of narrowing this region. An important step was made by G. Haloun who had connected this term with one of ten prefectures, namely with the oases Chira-Gulakhma-Dumaqu in Eastern Khotan. All these attempts to interpret this term where made on the base of Chinese documents and officious sources yet. The author of this article tries to interpret it from inside Khotanese business documents themselves. So the author managed to find in these documents the exact names of six villages included in the one administrative unit. These six small villages, from 5 to 20 farms in each, were jointed together for convenience sake in ruling and taxation.